

Знакомство с забытой пьесой Гольдони

«Пиколло театро ди Милано» в Москве и Ленинграде ● Мнение автора о своей пьесе ● Народный характер «Кампелло» ● Постановка в «чеховском ключе».

В конце марта в Милане прошла «Неделя Ленинграда». В итальянском городе-побратиме с успехом выступили мастера балета Театра имени С. М. Кирова, ансамбль моряков Балтийского флота, труппа Ленинградского балета на льду...

А с 4 по 18 апреля в нашей стране проходили гастроли «Пиколло театро ди Милано», с которым мы уже встречались в 1960 году. Тогда миланский театр привозил постановку пьесы Гольдони «Слуга двух господ».

Нынешние московско-ленинградские гастроли всего на месяц «разошлись» с тридцатилетним юбилеем миланского театра, открывшегося 14 мая 1947 года пьесой Максима Горького «На дне». С тех пор

«Пиколло театро ди Милано» осуществил более 160 постановок. В его репертуаре важное место занимает «русская тема» — спектакли по произведениям Гоголя, Маяковского, Достоевского, Булгакова, Чехова.

На этот раз театр Стрелера снова привез в Советский Союз пьесу Гольдони. Но «Кампелло» (что на русский язык можно лишь приблизительно перевести как «перекресток», «маленькая площадь» или даже «пяточка») в отличие от «Слуги двух господ» практически неизвестен не только у нас, но и в самой Италии.

Сюжет пьесы прост. Однако лучше, я думаю, дать слово самому Гольдони, рассказавшему о ней в своих «Мемуарах».

«...Это одна из тех пьес, которые римляне называли «табернациями» и которые мы бы могли назвать народными. Местом действия, которое здесь не меняется, служит перекресток, окруженный маленькими домиками, в которых живет простой люд. Здесь

поют, играют, шумят. Иной раз это центр веселья, иной раз — арена ссор.

Действие начинается особенно рода лотерей, называемой «вентурина». Торговец держит в руках мешочек, каждая из конкуренток за небольшую плату вынимает шарик, и выигрышем служит фаянсовая вещь. Собравшиеся женщины не могут обойтись без ссоры. Из этого спора зритель узнает имена, положение, недостатки, характеры и интриги болтливых соседей.

«Кампелло» имел огромный успех. Все в этой пьесе было взято из простонародной среды, проникнуто правдой, известной всему свету, и все — большие и малые — остались довольны ею. Ибо я приучил моих зрителей предпочитать простоту мишуре и природу — усилиям воображения...

Все, что мы прочитали в этой «авторцензии», написанной в XVIII веке, от первого до последнего слова применимо к постановке, осуществленной соотечественниками Гольдони в веке двадцатом. «Кам-

пелло» действительно «имел огромный успех» и в Милане и в Париже, где пьеса шла три месяца, чередуясь с «Вишневым садом», и все восемь гастрольных дней миланцев в Москве, на новой сцене МХАТа.

— Гольдони, — объясняет помощник Стрелера, режиссер Энрико Д'Амато, — обычно рассматривался официальной критикой как драматург легкий, поверхностный, не ставящий глубоких проблем. Это близко к истине. Но верно и то, что Гольдони — драматург, чье творчество всеми корнями уходит в народную культуру, народные традиции. Вот почему мы решили поставить Гольдони по-новому, как никто еще не пытался сделать, то есть углубить классический текст, а в чисто постановочном плане приблизить его к психологическому театру.

Художник Лучано Дамиани представил нам Венецию... в снегу. Из снега лепят снежки, в нем радостно кувыркаются молодежь и почтенные матроны. Это чувство первого снега, такое непривычное для наших представлений об Италии, атмосфера мягкой грусти и чистоты захватывают не только зрителей, но, похоже, и самих актеров. Смягчен неизбежный у Гольдони про-

тест, приглушенная стала буффонада. Какое-то чисто чеховское обаяние заструилось со сцены в зал. Или это только кажется?

— Да, это не случайно, — подтверждает Д'Амато. — Мы не раз говорили, что Чехов наряду с Гольдони — наш самый любимый драматург (добавлю от себя, что, видимо, не случайно именно Чехов и Гольдони составили две крупнейшие творческие победы миланского театра в последние годы. — Б. Б.). Несмотря на то, что они так далеки друг от друга, мы обратившие к этой забытой пьесе Гольдони, поставили ее в «чеховском ключе», по-чеховски выдвинув на первый план, «высветлив» обыденные заботы и ощущения простого человека.

Эта творческая находка, — заключает нашу беседу Д'Амато, — видимо, и сделала наш спектакль, несмотря на непривычный венецианский диалект, на сложность замысла и мизансцен, на необходимость следить за текстом через наушники, одинаково близким и понятным зрителям Парижа и Варшавы, Неаполя и Москвы. Мы были счастливы еще раз убедиться в чуткости советской публики, в ее глубоком понимании театра.

Б. БАГАРЯЦКИЙ

